

18 АВЛОШЕНКО ТАТЬЯНА

ХРОНИКИ ЗЕМЛИ ФИМБУЛЬВЕТЕР

ВРЕМЯ ЩЕНКОВ

Татьяна Авлошенко

**Время щенков. Хроники
земли Фимбульветер**

«Издательские решения»

Авлошенко Т.

Время щенков. Хроники земли Фимбульветер / Т. Авлошенко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839186-6

Стук в дверь на рассвете редко сулит что-то хорошее. Если спасаешь на улице незнакомую девушку, будь готов к тому, что помогать ей придется еще не раз. Целый год прошел для хрониста Ларса Кьоля спокойно, но теперь... В ночном Гехте свирепствует кровожадное чудовище хлына. За бывшей воспитанницей приюта Гердой охотятся люди, вооруженные ножами, отмеченными знаком дракона. Впору вмешаться жрецам из сурового ордена багряного Дода, Истребителя Зла, одного из Девятерых. Но Драконов уже не девять.

ISBN 978-5-44-839186-6

© Авлошенко Т.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Заметки на полях	13
Глава 3	14
Заметки на полях	20
Глава 4	21
Заметки на полях	26
Глава 5	27
Заметки на полях	30
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Время щенков
Хроники земли Фимбульветер
Татьяна Авлошенко

Анюта Соколова *Дизайнер обложки*

© Татьяна Авлошенко, 2024

© Анюта Соколова, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4483-9186-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Так уж получилось, что главным событием начала весны для нашей семьи и еще многих людей, живущих в Ратушном квартале, стало то, что муж моей сестры обрил голову.

Решению этому предшествовала долгая борьба Оле с самим собой. Капитан городской стражи не терпел вольнодумства в прическах и всегда стригся по-военному коротко. Это было его несомненным правом, вот только волосы Свана думали иначе и, словно мстя ему за экзекуцию, скручивались в несерьезные колечки, чем короче, тем плотнее. Ну не может же предводитель городских охранителей ходить с головой как у свудагского барана! Яичный белок и прочие ухищрения не помогали, шевелюра, тщательно распрямленная утром, уже к полудню начинала нахально курчавиться.

Устав от многолетней войны, Оле нанес противнику коварный и решительный удар.

Когда Сван, поблескивая голым черепом, появился утром на кухне, я подавился барком, наша домоправительница Гудрун уронила блинчик на сковородку уже поджаренной стороной, а Вестри, неуверенно гавкнув, подобрался к Оле на полусогнутых и долго его обнюхивал. Потом в недоумении оглянулся на нас: и что прикажете делать с этим дядькой со знакомым запахом и непривычной внешностью? Обляять или облобызать?

– Что? – воинственно поинтересовался Сван, поглаживая голое темя. – Очень плохо?

– Нет. Скорее... Необычно.

Славься, родной язык! Удалось найти слово, не грешащее против истины и при этом устраивающее всех. На самом же деле...

Круглая физиономия ветерана городских улиц и снежных полей была продублена холодными ветрами и прожарена солнцем до цвета корки домашнего хлеба. Светлыми полосками выделялись брови и вислые усы, но на них никто прежде внимания не обращал. Теперь же голова Оле была словно составлена из двух частей – загорелое лицо и белый скальп.

– Колобок с маслом! – обвиняюще произнесла Гудрун. – Вот на кого ты похож.

Точно. Но при этом пусть фунсы утащат в пекло всех цирюльников нашего мира, если Оле не прав. Не смех, а уважение вызывает его новый облик.

– А Хельга что? – грозно спросила наша домоправительница.

– Мне нравится, – просто ответила вставшая рядом с Оле сестра.

– Ну раз так... – Гудрун сокрушенно махнула полотенцем и вернулась к блинчикам.

Возможно, новая прическа капитана Свана, а вернее, отсутствие таковой, так и осталась бы личным делом нашей семьи, но в гости зашла хесса Кёб. Соседку опять сразили боли в пояснице, и она, горестно охая, кое-как дотащилась до дома Кёблей, дабы попросить хоть немного кхарновой шерсти. Гудрун имела неосторожность предложить ей собачью, начесанную с Вестри, и хесса Кёб, удобно устроившись у плиты, впала в философские рассуждения о том, насколько кошки лучше собак и – тонкие намеки – как в сущности плохи все без исключения владельцы псов. Где-то на втором получасе речи в кухню неосторожно заглянул разыскивающий свою каску Оле. Новый облик капитана городской стражи разом победил и недуг, и красноречие соседки. Вспомнив о неких неотложных делах в стенах родного дома, немощная старушка подхватила юбки и исчезла быстрее оставленного без присмотра масла.

Примерно через час на Замковой улице начали происходить странные вещи. Во многих домах вдруг кончились соль, мука, горючие кристаллы и прочие необходимые в хозяйстве вещи. Самым запасливым и щедрым соседи сочли дом Кёблей, и хозяйки, а то и хозяйева потянулись к нашим дверям. Получив желаемое и узнав, что Оле уже отбыл на службу, добрые жители Гехта направлялись напрямиком к казармам городской стражи. Капрал Освальд Харп позеленел от злости и охрип, объясняя посетителям, что капитан (фунс бы вас всех побрал!) не обязан – слышите, не обязан! – лично выслушивать жалобы на покражу с крыльца старых

башмаков (сами небось выкинули!) и ночные шаги под окном (да выдайте вы наконец Фриду замуж!).

Вечером наш дом посещали как заезжий театр в храмовый праздник. Соседи приходили уже целыми семьями. Мужья, подталкиваемые своими благоверными, смущенно чесали затылки и, вызвав Оле, интересовались у него с какого возраста принимают в стражу и насколько пригодна к бою обычная кочерга. Женщины и дети глазели молча. Сапожник Андреас погладил окруженную редкими волосами плешь и уважительно пожал Свану руку.

Народ тянулся до ночи. Не то чтоб в Гехте никогда не видели лысых, но чтобы по своей воле расстаться с волосами... А тут еще такой контраст между лицом и макушкой.

Постепенно звереющий Оле ехидно предложил мне увековечить его новый облик в хронике, красными чернилами. Я в ответ посоветовал ему или вовсе не снимать каску, или парутройку дней посидеть без нее на солнышке. Сван гневно вдохнул, дабы высказать все, что думает обо мне и дурацких шутках, но вдруг передумал и значительно поднял указательный палец – мысль была признана здоровой и достойной внимания.

Еще несколько дней новый облик Оле обсуждался в домах на нашей улице, казармах городской стражи и в трактире «Три петуха», а Сван шипел на соседей и подчиненных как злоющий кот хессы Кёб да подставлял солнцу бритую макушку. Потом страсти улеглись. Событие перестало быть новым и, значит, интересным. Когда сапожник Андреас решил следовать примеру Оле, соседи отнеслись к этому равнодушно – его башка, пусть что хочет, то с ней и делает.

Вот так хорошо, мирно и скучно жили мы в начале весны восьмого года правления короля Хрольва Ясного.

Ненавижу раннее утро, особенно зимой и весной. И не потому, что люблю поспать подольше. С равным удовольствием дрыхну и летом, просто сейчас...

Мрак утром еще чернее и гуще, чем вечером и ночью, и уставшие фонари уже не могут его рассеять. Окна, светившиеся уютным желтым светом, сейчас темны и безжизненны. Ни одного человека на мрачных улицах, а если и попадется кто навстречу, то проскочит мимо торопливо, тревожно. И становится жаль бедолагу, потому что только несчастье может выгнать человека из теплого надежного дома в это мерзкое время.

Темнота, неприветливое поблескивание снега, неуютность. И тишина, такая тишина, будь она трижды проклята!

...Бешеный стук в дверь и грозный лай Вестри.

– Кого Драконы благодатью обделили? – сварливо вопрошает внизу Гудрун. – Чего тебе, окаянный? Сам не спишь и людям не даешь!

– Убили, хесса Кьоль, убили!

– Какая я тебе хесса Кьоль? Спит она. Ни днем ни ночью бедной покоя не дают!

– Кого убили?

В длинной белой рубашке, с растрепанной косой Хельга, словно привидение, слетает вниз по лестнице. Оле на ночном патрулировании...

– Женщину убили! Я это, метельщик Кори! То есть, я метельщик, а не я убил.

– Впусти его, Гудрун. Я сейчас соберусь.

– Убивец, как есть убивец! – бубнит домоправительница, открывая дверь перепуганному взлохмаченному метельщику и мстительно затыкая переговорную трубу. – Весь дом перебудил. Бежал бы к страже в казармы, мертвой, чай, уже все равно. И тот негодяй, кто дудку эту придумал, ишь, с улицы на весь дом шуму-то.

Мы с Хельгой вышли из комнат одновременно, одетые и собранные.

Сестра посмотрела на часы – до рассвета еще целый час – и многозначительно выгнула бровь. Я с не меньшим намеком поправил на груди хрустального дракончика-чернильницу.

Хронист должен знать все, что происходит в городе, и по возможности видеть это собственными глазами. Да и не отпущу я сестру одну куда-то в темное время суток.

Гудрун наконец кончила распекать зажатого в угол Кори, посторонилась, и освобожденный метельщик бросился к входной двери так, будто за ней скрывались, по крайней мере, Острова Радости.

Вестри осуждающе взглянул на нас и пошел наверх, досыпать на одной из освобожденных кроватей.

А мы отправились к дому метельщика.

По дороге Кори рассказал, что произошло.

Он пробудился посреди ночи и снова уснуть уже не смог. Кто-то шумел на крыше, топтался, ронял что-то на черепицу. Кори решил, что это молодой кожкрыл прилетел из Замерзшего Леса и ищет себе пристанище. Что ж, завтра можно будет расширить чердачное окошко. Пусть два мусорщика живут в одном доме.

Позабавившись над собственной остротой, Кори решил посмотреть в окно. Сидящего на крыше кожкрыла, конечно же, не увидеть, но, может быть, удастся взглянуть на его тень под фонарем?

Кори уже взялся за раму, примеряясь двинуть ее вверх, но тут что-то большое и тяжелое, промелькнув мимо окна, упало на крыльцо.

Это не был кожкрыл. Значит, уронил добычу? Эх, лапы кривые! Теперь придется спускаться вниз, убирать. А то ведь точно кто-нибудь из соседей проснется ни свет ни заря именно в это утро и выглянет на улицу. А тут на крыльце метельщика мусор валяется. Тьфу, беспорядок какой, стыдобища!

Поругивая неуклюжего кожкрыла, Кори открыл дверь. На пороге лежало окровавленное тело женщины.

Я заметил, как нахмурилась Хельга, как ускорились ее шаги. В конце прошлой зимы на нашем крыльце оказался труп убитого вора Рэва Драчуна. Известно, чему началом было это событие. Неужели опять?..

Нет. На трупе Рэва было пять ран, следы когтей горгульи. Тело же этой несчастной... Я не смог смотреть, отвернулся.

– Хлына ее жевала, хесса Кьоль, – тихо сказал за спиной Кори. – Точно я говорю, хлына.

– И ты, не побоявшись чудища, побежал звать меня?

– Потому и побежал, что очень страшно было.

Глава 2

Я уверен, что когда моей сестре в преклонных годах настанет срок покинуть этот мир, Хельга сама распорядится сим печальным событием, подробно объяснив явившейся за ней смерти что, как и когда той надлежит делать.

А сейчас...

Раз – на углу улицы остановлен патруль. Два – тело убитой женщины отнесено в дом метельщика. Три – отдан приказ привести сюда доктора Трюга. Где найти? В сей ранний час он несомненно дома. Четыре – приказ дополнен: по пути к доктору и обратно передать через встречные патрули капитану Свану, чтобы тоже поторопился к месту свершенного злодеяния. Пять – сестра заметила меня и прогнала за ненадобностью. Я видел достаточно, чтобы занести событие в хронику, а для того, чтобы суетиться и всем мешать, хватит и одного метельщика Кори.

Спорить со старшей сестрой и главным прознатчиком Гехта непочтительно и бесполезно. Я вышел на улицу.

Хлыны сейчас можно не опасаться. Если она не напала на Кори, то значит наелась. А второго такого чудовища в городе быть не может. Эта тварь не желает делить охотничьи угоды с кем бы то ни было и яростно защищает их от себе подобных.

Отойдя на несколько шагов, я оглянулся. В одиноком светящемся окне виден силуэт Хельги. Сестра стоит, повернувшись боком, руки сложила на груди. Не знаю, что она сейчас говорит Кори, но, когда придет капитан Сван, метельщик будет спокоен, а рассказ его о случившемся – подробен и толков. Сестра говорит, что допрашивать свидетеля в истерике или просто в душевном раздразе – пустая трата времени. Он как лежащая на столе смятая вышивка, поди пойми что там. А вот если расправить ее да закрепить в рамке... Хельга умеет вот так расправлять-успокаивать. Каждое слово ее как гвоздик – укрепляет, определяет точное место.

Но что, однако, делать мне? Идти домой досыпать бесполезно, Гудрун не даст, вцепится с расспросами. В ратушу? Как назло вчера я наконец заставил себя навести порядок в кабинете. Все события предыдущих дней записаны в хронику, а новым пока что взяться неоткуда – еще даже не утро, сумерки, и горожане добропорядочно спят в своих домах. Про нападение хлыны можно будет записать только вечером, когда все окончательно выяснится.

Сосульки, что ли, пересчитать?

Я мрачно огляделся. Ноги занесли меня на узкую улочку – двое встречных едва разойдутся, – тянущуюся вдоль задних дворов. Толстая уверенная крыса важно прошествовала от одной дыры в ограде до другой, неся в зубах корку хлеба почти со свою голову величиной. Спрятав добычу, серая высунулась, сердито оглядела меня и снова скрылась. Крыса явно недоумевала, зачем я влез в ее владения и, главное, какого фунса не ухожу.

И вправду, какого? На таких улочках и днем-то ничего не случается, если только бдительный метельщик устроит скандал, выследив неряху, бросающего мусор через ограду. Кори любит такую охоту. Но ему сейчас точно не до этого.

Я решительно повернулся к проходу между домами, ведущему на большую улицу, и...

У Вестри есть привычка – при встрече радостно кидаться ко мне и класть лапы на плечи. Учсть, что песик наш вымахал размером с кхарненка и худобой не отличается. Когда наскакивает с одного шага, еще ничего, но если с разбегу и за спиной нет подходящей стенки... После того, как мой затылок близко познакомился со всей брусчаткой на десять версе от нашего дома во все стороны, я сгибаю колени, подставляю руки и гашу удар прежде, чем успеваю сообразить, что происходит.

Так случилось и на этот раз. Подхватил нечто, налетевшее из-за угла, чуть развернулся, устоял, успел испугаться, вспомнив про хлыну, понял, что никакое это не чудище, посмотрел, кого держу за мягкие бока...

На меня, крепко вцепившись в плечи, снизу вверх таращилась девчонка. В белом чепце и клетчатой шали. Пухленькая, но со странно худым лицом. Подбородок перемазан чем-то белым, не то мелом, не то известкой.

Больше я ничего разглядеть не успел. Девица коротко пискнула, вывернулась и резко развернула меня лицом к проулку, выглядывая из-за плеча, как стрелок меж зубцов крепостной стены.

А меж тем людей на тихой улочке стало больше. На этот раз из-за угла выскочили два мужика. Мой рост, сложение Оле. Громилы. И явно не на рассвет полюбоваться вышли.

Пальцы на моих плечах разжались. Судя по торопливому дробному топоту, девица снова задала стрекача.

Она не просила о помощи, и у меня не было причин вмешиваться. Может быть, девчонка набедокурила, разругалась с семьей, удрала из дома, и братьям пришлось бежать за вздорной пигалицей. Оле ругался, что в нижних кварталах по пять раз за сутки орут «Спасите, убивают!», а когда подоспевшая стража начинает вязать злодея, жертва с еще большим визгом накидывается на служителей закона, защищая мужа и кормильца.

Я мог просто отступить и вжаться в стену, уступая громилам дорогу. Я это не сделал.

Я думал, что они начнут браниться или попробуют с одного пинка забросить меня за ограду. Ошибся.

Громилы довольно переглянулись, будто пришли на дружескую пирушку и увидели щедро накрытый стол.

– На радость Драконам.

– Для встречи с ними.

И втащили ножи. Ничего себе братцы!

Вот ведь нажил беду. Говорят, что если подснежникам сразу и без сопротивления отдать все ценное, то останешься жив. Кодекс чести у них такой. А если чем-то понравишься бандитам, сумеешь их уболтать или развеселить, то и вовсе отпустят с наградой. Но этим двоим недосуг было разговаривать со мной. Они готовились к убийству. Почему?!

Я медленно отступал перед надвигающимися злодеями. Это ж надо, ни оружия, ни надежды на помощь. Ни одно окно не выходит на задние дворы. Бежать можно только тогда, когда имеешь солидную фору, иначе настигнут и ударят в спину. Остается только защищаться, надеясь на то, что, услышав шум, в проулок все-таки заглянет патруль.

Я потянул с шеи шарф.

После того, как мы побывали в подземелье Драконов, Оле как с цепи сорвался. Сколько раз меня видел, столько гонял. У него-то всегда было оружие, а мне приходилось защищаться тем, что под руку попадалось. Обороне служили ведро, метла, даже плотные обшлага с медными пуговицами – если правильно подставить, смягчают и отводят слабый удар клинка. Следанная из толстой кожи сумка хрониста может послужить хорошим ручным щитом, а если раскрутить ее на ремне и треснуть врага по башке... Вот только времени на такой маневр мне сейчас никто не даст.

Один конец шарфа я плотно намотал на руку, другой едва прихватил пальцами. Никаких фокусов. Это клинком, просто умело вертя его перед собой, можно создать непробиваемую защиту. Ткань, чтобы обмануть сталь, должна висеть как можно свободнее.

Нападающие действовали слаженно и умело. Не стали лезть разом, мешая друг другу. Один встал чуть позади другого, перекидывая нож из ладони в ладонь. Мне придется следить и за этим мельтешением. Убийца будто играет, дразнится, но в нужный момент нож окажется в той руке, которой удобно будет нанести удар.

Сейчас полагалось бы орать благим матом, призывая патруль, но крик всегда сбивает мне дыхание, а бандиты, тоже понимая что к чему, орудовали молча, без воплей и ругани.

Первый выпад я почти пропустил, пришлось отпихивать нож обмотанной взанкой ладонью. Соратник нападающего тут же сунулся вперед, я уклонился, хлестнув его по роже отпущенным концом шерстяной полоски. я

Сделав шаг в сторону, я снова ухватил шарф, чуть растянув, поймал на него лезвие и увел в сторону. И едва не получил в глаз два пальца отточенной стали со стороны, с которой не ждал. Второй злодей не только перекидывал нож из руки в руку, но и сам перемещался за спиной приятеля. Неудобно бить из-за плеча, а то наши танцы сейчас бы и закончились. Скоро злодеи поймают ритм и просто загонят меня на подставленный нож.

А первый убийца опять замахивался, метя ударить под ключицу.

Выставив вперед правую ногу, я согнул колено, и как мог глубоко нырнул под нож. Набросил шарф на руку врага и, скрестив запястья, откинулся, почти упал назад. Неуклюжая петля могла застрять или соскользнуть, но верный мой шарфик зацепил нож и выдернул его из ладони убийцы. Нож упал в снег, но некогда было смотреть куда – потеряв равновесие, враг валился на меня. Толкнув его ладонями в грудь, я отскочил, распрямился и тут снова увидел ее.

Девчонка, недавно удиравшая от громил, стояла, раскрасневшаяся и гневная, вздымая снятый с ноги башмак. Рядом стража вязала второго убийцу.

– Помоги-ка! – уцепившись за мой локоть спасенная-спасительница принялась обуваться. Вязаный башмак на толстой кожаной подошве. Гудрун носит такие и топают как упряжка кхарнов. Да, невелико удовольствие получить этой обувкой по кумполу.

Подошел вразвалочку Оле. Выудил нож из сугроба и, распрямляясь, свободной рукой быстро отвесил мне подзатыльник.

– Без оружия сам не лезь! Вот она, – указал на девчонку, – все правильно сделала: побежала и позвала. Как и пристало мирному горожанину. Горожанке. Так, ребята, этих, – показал на увязанных как колбасы убийцев, – в каталажку. Я скоро от метельщика вернусь, разберемся. Ларс и вы, хесса, – у девчонки глаза как кхарновы подковы, – тоже приходите. Все, тронулись.

Девушка наконец обулась и отпустила мой локоть.

– Родитель твой? – спросила она, кивнув вслед удаляющемуся Оле.

– Нет. Сват... Шурин... В общем, муж сестры.

– Значит, зять. Сестре кланяйся.

И пошла по проулку не оглядываясь, только рыжая юбка лисьим хвостом заметала следы.

В караулку я заявился раньше назначенного срока. Очень уж хотелось поскорее окончательно разобраться с событиями сегодняшнего дня, записать что-то, достойное внимания, в хронику и не думать, не вспоминать больше об этом.

Хельга и Оле пришли еще раньше меня. Сестра сидела на стуле в любимой позе: левая нога на скамеечке, локти уперты в поднятое колено, подбородок на сцепленных пальцах. Сван расхаживал из угла в угол, посещения капитана удостаивались все четыре.

– Напились в кабаке до потери облика, – вещал Оле, – выползли на улицу, там к девчонке пристали, ублажить решили без ее согласия.

– Так, а где эти паскудники теперь?

– В укупорке сидят. Тебе-то они зачем?

– Сама хочу пообщаться.

– Хельга, Хельга, какая же ты, однако, мстительная. Капрал Михель Мерк тоже жаждет крови этих фунсов, у него дочка на выданье. Да влепят им за поножовщину по полной, никуда не денутся. А если эта девушка появится хотя бы на суде, так им еще за покушение на честь добавят.

– Все кабаки на Пятке, так? Сколько оттуда до Верхнего Города?

– Час с лишним. Пьяному дольше.

– Именно что пьяному. Который то шагу ровно ступить не может, то гонится за молодой шустрой девушкой. И на всем пути от Пятки до Верхнего Города не встречает ни одного патруля. Оле, мне не нравится, что произошло, и я хочу...

– А еще ты не доверяешь дознанию, проведенному по пути от места преступления до каталажки. Ох, ох, на ком я женился.

– К преступлениям и их раскрытию это не имеет никакого отношения. Но я тоже тебя люблю.

Вот так. На службе сестра со своим благоверным могут лаяться как угодно, но на отношение их друг к другу это несколько не влияет.

– Оле, приведешь?

– Ну не Михелю же поручать.

Когда Оле проходил мимо Хельги, она не глядя протянула руку. А Сван уже делал навстречу тот же жест. Зацепились согнутыми указательными пальцами, подержались и отпустили. Такая привычка появилась у них прошлой зимой, когда Оле стал наконец женихом Хельги. И я ни разу не видел, чтобы их руки не встретились.

Хельга двумя перстами приподняла за рукоять один из лежащих на столе знакомых ножей. Хоп! – и удерживает его уже за лезвие. Раз! Рукоять легла в ладонь обратным хватом.

– Ларс, ты давно знаком с этой девушкой?

– Спрашиваешь как сестра или как прознатчик?

– Ты знаешь.

– Сегодня утром впервые увидел. У дома Кори действительно была хлына?

– Доктор Трюг говорит, что обычным оружием таких ран не нанести.

Теперь и я вслед за сестрой могу сказать «Мне это не нравится».

– Хельга, а хлына на людей часто нападает? Не то, что «берегись ночью один ходить», а чтобы точно говорили, где, кого схватила, ну, понимаешь, имена... Торгрим при мне ни разу ничего подобного не записывал. Может, раньше было, тебе ничего не рассказывал?

Сестра нахмурилась.

– Имена... Не помню. Я сегодня в первый раз увидела, что она может натворить. В Университете младших стращали, но никогда не говорили ничего конкретного. Но про хлыну все знают, рассказывают.

– Про Догадливого Нильса и его ответы королевской дочери тоже все знают. Только нет у Хрольва Ясного ни предка такого, ни родича.

– Ларс, раны от когтей горгульи я теперь узнаю безошибочно.

– Да я не о том! Хотя и об этом тоже. Все думали, что они не принадлежат нашему миру...

– А про хлыну думают, что она есть, а на самом деле нет?

– Слушай, Хельга, а может она один раз наедается, а потом на двадцать лет в спячку впадает?

– Фунс ее знает. Ларс, ты ж наверняка хроники смотреть будешь. Скажешь, если найдешь чего-нибудь. Или не найдешь.

– Надо еще старого Пера спросить. Он же дольше всех в городе живет, должен знать. Я пойду?

– Иди, хронист, иди.

Заметки на полях

Вошедший в комнату Оле тяжело опустился на табурет.

– Плохие дела, Хельга.

– Что случилось?

– Не допросишь ты их уже. В камере лежанки стоят каменные, ну ты знаешь. Они с одной тюфяк сняли и с двух сторон об углы. Холодные уже. Крови натекло, много...

Нож, вывернувшись из пальцев Хельги, упал на стол, ударившись о лезвие другого. Звук был совсем тихий, но главный прознатчик Гехта и капитан стражи невольно взглянули на ножи. Совсем обычные, с широким лезвием и ухватистой рукоятью, годные и в доме, и в дороге, кузнецы продают такие не спрашивая, зачем понадобился. Только у обоих на рукоятях прямо под странным отверстием на перекрестье вырезано изображение дракона.

Глава 3

Посреди двора Оле Сван плясал с двумя клинками. Он то двигался медленно, словно нехотя, и стражнические палаши замирали в его руках, а то вдруг начинал стремительно вертеться, подсакивать, припадать к земле, и острые боевые клинки сходились и расходились, мелькали в опасной близости от обнаженного торса Свана, хищно устремлялись вперед, неся гибель воображаемому противнику. Они не казались чем-то самостоятельным, отдельным от Оле, нет, они принадлежали его телу как... как когти Дракона, черного воина Троппера или беспощадного Дода. И потому, наверное, было в пляске Свана нечто нечеловеческое, запретное, пугающее и завораживающее.

Оле взмыл вверх, согнув в колене одну ногу, и резко, на выдохе, опустил оба палаша. Враг, кем бы он ни был, повержен.

Теперь Сван стоял расслабленно, уперев палаши в носки сапог и, запрокинув голову, мечтательно смотрел на небо. Может быть, мне удастся проскочить в дом незамеченным?

Я уже взялся за дверную ручку, когда сзади раздалось ласковое:

– Ларс, а Ларс.

Пришлось сигать вбок прямо через огородку крыльца.

Взгляд торопливо обежал двор – чем защищаться? Но сегодня Оле решил проявить милосердие и бросил мне один из своих палашей. Не заботясь о том, смогу ли я его поймать.

Можно было бы сказать, что я прыгнул за оружием как барс, но житель заснеженных гор существо ловкое и грациозное. Зато Сван точно лез разъяренным медведем. На этот раз он не стал начинать поединок всякими уловками и хитростями, а отмахивал простую «снежинку» – по два удара с разных сторон в ноги, в корпус и сверху. Ничего сложного и непредсказуемого, но Оле вертел палашом с такой скоростью, что о контратаке и думать было нечего.

Закончив со «снежинкой», Сван вдруг дал слабину, раскрылся, но это была ловушка. Стоило мне уйти в выпад, как палаш Оле прижался к моему около гарды, клинок словно оборачивался вокруг клинка. Одно движение кисти, и я буду обезоружен. Разгадав коварный замысел капитана, я отдернул палаш.

Клинок Оле тут же клюнул меня в грудь, пришлось откидываться назад.

– Сделать ремень сумки чуть пошире, – раздумчиво заметил Сван, – и будет неплохая защита. Ты почему без шпаги ходишь?

Дивный вопрос. Оле сам не позволял мне брать оружие, потому как сразу найдется много желающих проверить, как я им владею. Стражники, бывшие солдаты, да и оружейники не любят воображал, таскающих с собой клинки, но не умеющих толком за них держаться.

– Ты же сам говорил...

– Говорил, а теперь ты и без оружия нарываешься, – Оле игнорировал выставленный мной верхний блок и снова наметил прямой укол в корпус. – Руку.

Это означает, что надо перекинуть палаш из правой руки в левую. Сван говорит, что фехтовать надо уметь с обеих, «мало ли что случится».

На то, чтобы поменять руки, нужна какая-то доля секунды, но Оле воспользовался моей заминкой. Быстрый скользящий шаг мимо, странное движение руки и... Разлетевшиеся волосы мешают смотреть.

– Вот так. Что ты вообще из-за своей челки видишь?

Понимаю теперь, почему стражники так коротко стригутся. Но Оле-то, Оле! На шаг одним незаметным движением перерезать кожаный шнурок!

Бой был проигран. У меня и раньше-то против капитана Свана шансов не было, а уж теперь... Я из гордости еще поотбивался от лихо скачущего вокруг Оле, но проклятые лохмы

при каждом повороте лезли в глаза, и вскоре намеченные рубящий удар в плечо и укол в колено зачислили меня в ряды «условно павших».

– Ларс! – горестно возгласил Оле, отступая и поднимая к небесам палаш. – Сколько раз я показывал тебе эту защиту? Что ж ты позоришь мои седины? Особенно перед девушкой.

– Будто Хельга раньше не видела, как ты меня гоняешь.

– Это не Хельга.

– А кто?

– Оглянись, увидишь.

Ну, на такую уловку покупается разве что мелкая шпана.

– Оглянись, оглянись, – Оле ловко отобрал у меня палаш и небрежно зажал оба клинка под мышками. – Можно.

На крыльце, улыбаясь во всю пасть, сидел Вестри. А рядом, запустив руки в роскошную гриву нашего пса, удобно устроилась давешняя девчонка.

Вестри парень добрый. Доктор Трюг, сапожник Андреас, метельщик Кори, стражники, булочница Тора, вечно сующая ему печенье – все числятся у него в друзьях. Если новый человек пришел в наш дом и явил себя достойным гостем, приятным хозяевам, то уже через недолгое время Вестри лезет к нему целоваться. Но для начала облает. Не помогают ни наши уговоры, ни протягиваемые незнакомцем взятки.

Как же девица умудрилась пройти незамеченной? Или же гостью принимала в доме Гудрун?

– Чего тебе, ребенок? – дружелюбно поинтересовался Оле.

Нет, за дверьми у нас девчонка еще не побывала.

– Хеск капитан, а научите меня драться!

– Дра-аться?

Оле неторопливо подошел к девчонке, минуту разглядывал ее, а потом вдруг, резко наклонившись, схватил за руку.

– Ой!

– Вырывайся. Да не так, а в сторону большого пальца. Один легче разогнуть, чем четыре. Да, теперь правильно. Если обхватят сзади, то скользи вниз, старайся спихнуть руки. И визжи, царапайся, брыкайся, щипись, этому ни одну девчонку учить не надо. Можешь ударить пальцами в глаза, коленом в пах. А еще лучше, как только заметишь опасность, сразу подбирай подол и удирай или прячься. Не выходи, когда на улицах нет людей, или отыщи себе надежного спутника. Все.

– А драться?

– Если девушки будут вынуждены драться, то мужчинам этого города останется только удавиться от стыда. Да и все равно не победишь, просто потому, что слабее.

– А хесса Хельга...

– Одна такая на весь Гехт, и больше не надо. Ты бы, кстати, зашла к ней. Тебя главный прознатчик третий день ждет, спросить кой о чем хочет, а ты где-то бегаешь.

– А мы уже говорили! – гордо заявила девчонка. – Хесса Хельга меня нашла, и я ей всю правду сказала, что ничего не знаю.

– Говорили, значит, и ничего не знаешь. А звать тебя как?

– Герда.

– Герда. А дальше как?

– Просто Герда. Я у Флорансы живу.

– Сама б Флоранса где-то жила. Дочка?

– Ученица.

– Запомним. И ты запомни, что я говорил. И еще. Главное, это отвлечь противника.

Верно, Ларс?

– Ой-ей-ей-ой-ей!

– Терпи.

Хорошенькое дело терпеть, когда за шиворот сунули комок снега!

– Я помогу! – подскочила Герда.

Еще лучше – ледяные пальчики.

– И никогда, дети мои, – философски произнес Оле, – даже в минуты счастья не теряйте бдительности. Фу, Ларс, на тебя даже смотреть холодно! – и удалился в дом.

Мы с Гердой остались у крыльца. Только теперь я разглядел ее как следует.

Личико не то чтоб красивое, но смотреть на такое радостно. Прямые волосы цвета полированного дерева едва достигают до плеч, короче даже, чем у меня. Странно. Конечно, такая коса, как у сестры, одна на весь город, но обычно женщины отрачивают длинные волосы, чтобы хватало на приличную прическу. Невысокого росточка и вовсе не толстушка, просто одежек напялено, как на Хельгиной оконной розе лепестков. И полоска сажи на носу.

Герда отвела глаза и снова запустила пальцы в шерсть подошедшего Вестри.

– Твой пес?

– Да.

– Он дверь из дома открывать умеет. Как зовут?

– Вестри.

– А ты Ларс?

– Правильно поняла.

– Я Герда. Хесса Хельга твоя сестра?

– Любимая и единственная.

– Я думала, она важная, – доверительно сообщила Герда. – Я не хотела ничего говорить, меня Флоранса заставила. А хесса Хельга ничего, добрая. Правда она на шпагах умеет?

– Правда.

– Как этот ваш?

– Капитан Оле Сван, городская стража. Муж Хельги. Фехтуют они на равных. Вместе тренируются.

– Ух ты! – Герда даже от Вестри оторвалась. – А посмотреть можно?

– Можно, но неинтересно. Два очень быстрых выпада, даже понять ничего не успеваешь, а на третьем кто-нибудь кого-нибудь достает.

– Жаль... А ты тоже хорошо дерешься. Да, спасибо, что вступился. Там, в проулке.

– Спасибо, что позвала стражу. И башмаком ты орудуешь не хуже, чем Хельга шпагой.

Герда хихикнула.

– Сначала я хотела просто дать ему пинка. Значит, я помогла тебе, а ты помог мне. Мы в расчете? – хитро взглянув, она подняла правую руку.

– В расчете! – рассмеявшись, я хлопнул по подставленной ладошке.

– Вот и хорошо. Не люблю быть в долгу. Никогда не знаешь, как и чем придется отдавать.

А девица-то не проста.

– Я тебя в городе раньше не видел. Откуда ж ты такая взялась? Ученица Флорансы – ведьма значит? Через трубу по ночам летаешь? То-то нос в саже.

Герда вдруг покраснела. Брови строго сошлись, точь-в-точь как у Хельги в гневе.

– Живем честно, зла никому не делаем и не желаем. А что в саже, – она решительно вытерлась рукавом, – так не все баре, которые по три раза на дню руки теплой водой моют!

Оказывается, даже не хлопая калиткой, а просто закрыв ее, можно выразить небывалую меру гнева и презрения.

Ну что за девчонка! Вовсе я не хотел ее обидеть.

Хронисты не считают рынок местом, полезным для летописей. Торgrim Тильд, мой учитель, говорил, что из ста слов, услышанных на торжище, верными окажутся едва ли десять,

да и те предлоги. Но при этом ходил на рынок каждый месяц, старательно записывая сведения о товарах и ценах. Зная, когда что и почему было, можно сделать важные выводы о жизни города и всей земли Фимбульветер. Торгрим умел это виртуозно и пытался научить меня, без особого, впрочем, успеха. Но на рынок я иногда захаживаю.

Ничего, что могло бы обогатить хроники Гехта, это посещение не дало. Я только подпортил себе настроение (не люблю многолюдства, гама и суеты) и нарвался на Гудрун, которая незамедлительно вручила мне корзину с покупками и велела нести ее домой, «все равно без дела шастаешь». Сама наша домоправительница собиралась еще задержаться на рынке. Судя по азартному блеску в глазах, надолго.

Примерно через две улицы от рынка я всерьез задумался: а как Гудрун, не встретив она меня, вообще собиралась нести покупки домой? Фунсова корзина и без предполагаемых в нее добавлений была не только тяжелой, но и отчаянно неудобной, так и норовила заехать под колени твердым колючим краем. Определенно, сотворивший ее за что-то ненавидел весь род людской.

Промучившись до угла нашей улицы, я не выдержал и поставил орудие пыток на брусчатку. Может быть, если как-то переложить припасы, нести будет легче?

– Ага, попался!

В спину уперлась жесткая щетина метлы из шерсти кхарнова хвоста.

– Я тебе покажу, как мусор на улице бросать!

Я почувствовал себя пойманным вражеским лазутчиком, которому сейчас скрутят руки и поволокут на суд и расправу.

– Кори, повернуться можно?

– Ларс, ты что ли? – в голосе метельщика явное разочарование. – А чего мусоришь?

– Какой мусор, Кори? Все домой несусь, в семью. Только отдохнуть остановился.

Метла убралась.

– Пакостник завелся, – скорбно пожаловался Кори. – Я прибираю, а он мусор бросает. С самого утра. И не лень ему, гаду, рано вставать! И мусор-то какой – хлам грязный, будто его из подвалов, где сто лет никто не был, вытаскивают. Даже камни со штукатуркой попадают. И по всем ведь улицам раскидывает!

– Слушай, Кори, так может он клад ищет?

– Пусть хоть на замок с обзаведением себе по кирпичу ковыряет, об этом ратуша беспокоиться должна. На улице-то кидать зачем? Я его выслежу! – Кори поднял метлу к небесам, будто рыцарь, дающий страшную клятву, меч. – Выслежу и тогда уж...

Приятно видеть человека, имеющего цель в жизни.

Если бы слова имели силу воплощаться в жизнь, мне бы не пришлось тащить корзину. Целая армия фунсов легко унесла бы ее, но, боюсь, не в наш дом. Но вот, наконец, кухня достигнута.

Больше всего хотелось подняться в свою комнату и завалиться на кровать с какой-нибудь книжкой, не имеющей отношения к истории родного города, но Вестри встал у двери, всем своим видом показывая, что ему скучно и он не прочь прогуляться куда-нибудь дальше двора. Пришлось идти.

Маршрут наших прогулок определяет Вестри. Только его черному блестящему носу ведомо, куда мы направимся в тот или иной день.

Пес важно вышел за ворота, остановился, огляделся, принялся и вдруг радостно замачал хвостом.

– Ларс! Ларс!

Ко мне бежала Герда. Она так торопилась и размахивала руками, что, если бы опять измазанное чем-то личико не светилось от радости, я бы встревожился – не случилось ли чего дурного.

– Ларс!

Ученица Флорансы поскользнулась и кульком влетела мне в руки.

– Ларс, Флоранса сказала, что ты хороший!

Я смотрел на Герду сверху вниз, а в груди росло и ширилось то удивительное теплое чувство, которое иногда появлялось при взгляде на Вестри, Хельгу, моих родичей из Кьольхейма – радость от того, что они есть, и желание сделать для них что-нибудь хорошее.

Приподняв Герду за локти, я поставил ее на ноги.

– Спасибо. Я думала, ты зазнайка, а Флоранса говорит, что ты хороший. Вот. Не сердись на меня. Все.

Все? Так что же, сейчас она снова повернется и уйдет? Немыслимо.

– Подожди, Герда. А почему... А зачем... А что ты тогда делала на улице так рано?

– Хотела посмотреть на рассвет над ратушей.

Рассвет! Чем розовая полоска на небе отличается от серой, белой или черной? Чем лучше она алого пламени заката, чтобы стремиться увидеть именно ее? Не испугаться ни хлыны, ни подснежников, встать в эту невероятную холодную рань, когда... Когда фонари еще не успели погаснуть и тянутся вдоль улиц двумя цепочками разноцветных огней, а дома словно склоняются друг к другу, и между ними просвет, будто смотришь в щелочку, сведя в игре ладони, а там прозрачное небо, и темная островерхая ратуша, и флюгер-рыцарь приветствует поднятым копьём всходящее солнце. И не больше пятнадцати минут отпущено на все это...

– Ты успела увидеть? Тебе понравилось?

– Да. Гехт, наверное, вообще красивый город?

– Разве ты раньше жила не здесь?

– Я жила в приюте Берне, на окраине. Мы не ходили в город. Днем было очень много работы, а вечером – страшно. Мне бы очень хотелось все здесь посмотреть.

– Тогда пойдем.

Лицо Герды вдруг стало строгим и очень недовольным. Она отступила на шаг и, похоже, снова изготавилась задать стрекача.

– Нет. Не пойду.

– Почему, Герда?

– Я знаю, зачем вурдам нужны бедные девушки. Я читала.

– Читала? Что?

– Романы.

Так, вот и пришли к нам на обед голодные медведи. Романы! У сестры тоже есть парочка таких книжек, для поднятия настроения. Хельга нам даже вслух читала, сама смеялась, а Оле сказал, чтобы любимая жена больше его так не пугала. Если я правильно помню, там всегда злодей вурд заманивает и соблазняет бедную честную девушку. Вот тебе, потомок древнего знатного рода!

– Герда, честное слово, можешь считать меня неправильным и даже ненормальным вурдом, но ничего дурного я не замышляю. И Флоранса сказала, что я хороший.

Девушка растерянно переступила с ноги на ногу.

– Ты очень похож на хессу Кьоль...

– Вот, а ей же ты доверяешь.

И тут вмешался Вестри. Наш пес не терпит, когда его драгоценную персону оставляют без внимания. Вскинув лапы на плечи Герды, он сочно лизнул ее в щеку. Ученица Флорансы не ожидала такого нападения и едва удержалась на ногах. Пришлось снова ловить.

– Герда, ну пожалуйста. Я просто очень хочу показать тебе город.

– А Вестри с нами пойдет?

– Конечно.

– Ну ладно... Хорошо... Только запомни, будешь приставать к порядочной девушке, получишь в лоб, ясно?

Я радостно кивнул. Вестри снова полез целоваться. Герда улыбнулась и, обняв пса одной рукой, вторую протянула мне.

Заметки на полях

- По твоему лицу течет вода. Так бывает в верхних пещерах с сырými стенами.
- Я плачу...
- Плачешь? Что это означает?
- То, что мне больно.
- Я не прикасался к тебе. Как я мог причинить боль?
- Мне больно оттого, что я больше не увижу тебя.
- Я понимаю. Старшие говорили. Они ушли из мира, где жили прежде, и больше никогда не видели его.
- Баккен, это ведь старшие недовольны, что ты дружишь со мной? Они не хотят, чтобы люди узнали о вас? Это они запрещают тебе?
- Люди не смогут прийти к нам, если мы сами не захотим этого. Но мне становится все труднее подниматься вверх. Я расту. Скоро этот лаз станет слишком узок для меня.
- Я найду, Баккен, найду дорогу для тебя. Ты сможешь выходить из подземелья, а потом и летать. Обязательно.
- Лиловый дракон склонил чешуйчатую голову к рукам зеленоглазой девушки.
- Прощай. Ты многое рассказала мне.
- До свидания, Баккен. Ты мой друг.

Глава 4

Сегодня днем пришел караван из Снебьярга. Покуда купцы будут заниматься своими делами, самый почтенный и правдивый из них отправится в ратушу, дабы поведать о том, что творится в земле Фимбульветер за западными пределами Гехта, а хронист будет ждать его. Таков обычай, почти закон, правильный и полезный. Не будут же купцы, бросив все, рыскать по городу в поисках хрониста, у них каждый час на счету. Вот только слово «почтенный» понимают они весьма по-своему и посылают на беседу самого бесполезного в городе участника каравана, какого-нибудь болтливого деда-кухаря. А тот пока еще дотащится до ратуши, да и рассказ норовит вести о делах не нынешних, а прошлых.

И вот сижу я в ратуше с самого утра, а сейчас время к обеду, упорно не даю бодрому старикану свернуть на рассуждения о событиях его молодости и о некоей прекрасной в то время Эдит, и тихо злуюсь, потому как Герда уже наверняка ждет меня у Рогатки. Нет, я, конечно, предупредил ее, что сегодня день каравана и придется посидеть в ратуше, но не так же долго!

– Итак, на пятый день вы вышли из Форка...

Форк ровно на полпути от Снебьярга до Гехта. Да скорее ты, старый валенок! Про сарай, сгоревший тридцать лет назад, интересно разве что внукам его бывшего владельца.

Вестри вылез из-под стола, сделал круг по комнате и улегся под окном. Светлые пятнышки «бровей» высоко подняты над глазами, и вид от этого у пса тоскливый. Видимо, и ему дедок надоел дальше некуда.

Стук хвоста Вестри сливается с нетерпеливым притопыванием моего каблука.

Стук хвоста?

Дверь за спиной деда тихонько приоткрывается, и я вижу белое ушко чепца, веселый глазок, краешек улыбки.

Ну, деда, у тебя три фразы.

Старикан словно услышал мои мысли.

– А больше в дороге ничего и не случилось.

В десятый раз заверив караванщика, что рассказ его воистину бесценен для потомков и спустив деда с лестницы (очень почтительно, под локоток), я наконец выбираюсь на улицу. Герда и Вестри вышли раньше. Где же они? Справа никого, слева... Лохматый зверь насккивает на меня и тут же мчит обратно, к важно вышагивающей по брусчатке Герде. Хорошо хвостатому, он избавлен от нами же придуманного ритуала.

Неспешно сходимся.

– Здравствуй, Герда.

– Здравствуй, Ларс.

В который раз пытаюсь галантно поцеловать даме руку, но Герда снова прячет ладошки за спину. Шершавые у нее ручки, обветренные, исцарапанные. Мне все равно, а она стесняется.

Вестри улыбается во всю пасть и, размахивая хвостом, как герольд флагом, косится на Герду – «Наша девочка!»

– Сегодня как всегда?

– Да.

Мы идем вслед за Вестри. Так интереснее, чем показывать всем известную гордость Гехта – Корону, Университет, храмы Драконов. Городской бродяга Торgrim Тильд научил меня любить город, замечать его главную прелесть – узор очищенной метельщиками брусчатки, кованые столбы фонарей, чугунные, но воздушные на вид калитки, дома под черепичными крышами, где на подоконниках за узкими окнами стоят стеклянные фонари с горячими кристаллами, согревающие растущие в горшках цветы.

Вот уже несколько дней мы с Гердой бродим по городу и разговариваем, разговариваем.

– На самом деле Флоранса мне не мать. У ведьм вообще не бывает детей, им запрещено. Вот и берут к себе девочек-сирот и учат всему, что умеют сами.

– И много ты уже умеешь?

– Вылетать в трубу – нет, – Герда лукаво улыбнулась и показала мне язык. – Это вообще сказки и вранье. А так, знаешь... Я плохая ученица. Не могу даже толком запастись временем. Флоранса говорит, что мне надо заодно поучиться другому ремеслу. Я боялась, что она прогонит меня, но Флоранса смеется, что ей жалко потраченных семи лет. А я знаю, она еще в приюте поняла, что я не стану ведьмой.

– И все-таки выбрала тебя?

– Это я ее выбрала. Мы в приюте все были безродные, ничьи. Вот и сочиняли кто во что горазд. У всех обязательно были знатные родители. Одних королевских дочек имелось, почитай, человек пять. Тайком мастерили тайные знаки, подтверждающие наше благородное происхождение, потом хвастались. Многие всерьез верили, что похищены из знатных домов и однажды за ними придут. И вдруг является бродяжка и говорит, что ищет дочку. Понимаешь, это она специально так сказала, иначе девочку на воспитание ей бы нипочем не отдали. Наши все в ужасе, попрятались. А я: «Мама! Мама!» Лучше уж такая мать, чем совсем никого.

Герда, замолчав, отвернулась.

В приют попадают дети, которые не нужны. Это бывает редко. Даже если умерли родители, все равно найдутся бабушки и дедушки, дяди, тети, совсем уж дальняя родня или вассалы клана, но ребенок не будет покинут. Но если младенца оставляют на крыльце унылого дома на окраине города, от него отрекаются насовсем, лишая не только родителей, но и рода. Страшно. А Герда говорит об этом, как о чем-то грустном, но обычном.

– Ну вот, – спокойно продолжала девушка. – Флоранса договорилась, что пока я не подрасту, буду все равно жить в приюте. Куда бы она меня забрала? Тем более, у нас учили ремеслу. Чтобы не пропали после приюта. И чтобы было на что жить там. Правда, учили как-то не очень хорошо. Я не умею шить и вряд ли когда-нибудь научусь, потому что ненавижу это занятие. И прибираться терпеть не могу. Но Флоранса говорила, что это пригодится. Что если учишься, то можно стать кем-нибудь. Она часто ко мне приходила, отдавала в приют деньги, а потом мы с ней разговаривали, обо всем. Было здорово, как в библиотеке.

– У вас была библиотека?

– Да. Люди отдавали ненужные книги. И читать я умею! – Герда погрозила мне пальцем. – В приюте нас всех учили грамоте. Если охота – заходи в библиотеку, читай. Большею частью книги нравоучительные, но если порыться, можно было найти много интересного. Про странствия корабельных кланов, про великих королей, про Драконов. И про вурдов, – последнее слово Герда произнесла явно со значением и, покраснев, покосилась на меня.

Не знаю, что за книжки были в библиотеке приюта, но ученица Флорансы явно не доверяет знати земли Фимбульветер.

– Вот так и жили. А месяц назад мне исполнилось шестнадцать лет. Таких больших в приюте уже не держат. Тогда Флоранса меня и забрала. Стала учить, но выяснилось, что ведьма я слабенькая. К тому же, сейчас Флоранса со мной не занимается. Говорит, что надо присмотреть за городом, а уж потом... А куда мы пришли?

А пришли мы, чего и следовало ожидать, следуя за Вестри, к булочной хессы Торы Хольм. Тора песика привечает, угощает печеньем, вот он и сворачивает к ее заведению при каждом удобном случае. А сейчас уже открыл дверь и ввалился как к себе домой, нахаленок.

– Герда, пойдем пить барк с плюшками.

– У меня нет денег.

– У меня есть. Я хочу тебя угостить. Герда, это не считается долгом.

Судя по изумленному взгляду, в их трижды спасаемом Драконом Берне приюте не было принято просто так делиться едой.

– А это прилично?

– Хельга с Оле ходят сюда.

Раз поговорив с моей сестрицей, Герда считает ее каким-то высшим существом, благостным и непогрешимым.

– Герда, мы должны хотя бы забрать оттуда Вестри, – привел я еще один довод и открыл перед ученицей Флорансы дверь булочной. – К тому же мне холодно и очень хочется барка.

Последнее заявление оказалось решающим.

Заведение хессы Хольм разделено на две части. В первой продают конфеты, пирожные и прочие изысканные сладости. Здесь управляется Гида, Гида Прекрасная, вечная беда капитана Свана. Нет, дело здесь не в «страсти нежной», вернее, в ней, но не со стороны Оле. Свану давно и навечно нужна одна лишь Хельга, но вот молодые стражники цепочкой тянутся в кондитерскую, так, будто им поручено закупить годовой запас конфет на весь город. А в кондитерской Гида – хрупкая, нежная, которой так трудно снимать с верхней полки тяжелые торты в коробках. Ну как не помочь ей делом или хотя бы ласковым словом? Желание похвальное, но кроме стражников в городе имеются еще и студенты, и просто молодые люди мужеского полу, которые тоже очень хотят помочь Гиде. Кто более достоин этой чести, решают вечерами на площадке за храмом Хандела. Как правило, в кулачном бою, но иногда в ход идут дубинки и даже клинки. Убитых, храни Драконы, пока что не было, но многие ухажеры Гиды могут похвастаться синяками и шрамами.

Купцы идут жаловаться целыми депутациями: торговые склады от места побоищ недалеко, и сторожа не знают, то ли им хозяйское имущество беречь, то ли драки разнимать. Так никакой покровитель торговли от покражи не уберезет, тем более, что повернута статуя Хандела к нехорошей площадке... э-э-э... спиной.

А разбираться со всем капитану стражи. Оле даже просил Тору рассчитать красотку, но булочница справедливо заметила, что это не поможет. Если только изгнать Гиду из города или выдать замуж. И при том ведь сама девушка ни в чем не виновата. Такая она тоненькая, беззащитная, наивная. Только Хельга однажды сказала Оле про Гиду: «Опасно считать ее дурочкой».

Недавно капитан Сван придумал новый план, как отвадить от кондитерской хотя бы стражников. После очередной драки этот страшный человек заставляет любителей сладкого съесть купленное. Все сразу. Без запивки. Перед строем. Иногда помогает.

Гида и на меня иногда посматривает и улыбается, и от улыбки этой странной делается не по себе, приятно, но тревожно. А Хельга сердится.

Сейчас, не смотря на то, что день, время для покупок не самое популярное, у прилавка томятся несколько щеголей. Гида, глядя мимо них огромными голубыми глазами, задумчиво сматывает блестящую атласную ленту.

Герда, потрясенная великолепием кондитерской, замерла на пороге, но я за руку потянул ее дальше, во вторую комнату.

Здесь, в булочной, все проще и уютней. Золотятся поджаристые корочки хлебов и кренделей, вкусно пахнет свежей выпечкой, побулькивает трехведерный самовар с барком. Хозяйка, Тора Хольм, любого посетителя встречает приветливой улыбкой. Она сама похожа на булочку – пышная, румяная, золотоволосая. Добрая. И нравится мне Тора куда больше, чем изящная Гида.

У булочницы был сейчас только один покупатель. Продубленный Белым Полем караванщик, облокотившись о прилавок, с веселым любопытством наблюдал, как Тора кормит Вестри печеньем.

– Ваша псинка, хеск хронист? – дружелюбно обратился он ко мне. – Не пропадет. Эх, кто б меня из таких ручек покормил!

Сдобная вдовушка Тора многозначительно усмехнулась, быстро взглянула на покрасневшую Герду и придвинула к самовару четыре кружки.

– Гест Гастис, – представился бородач, слегка поклонившись. – Купец из Снебьярга.

– Ларс Кьоль, хронист Гехта.

Торговец не спросил, из какого почтения вурд подался в хронисты да еще в столь молодые годы, только кивнул, запоминая.

Я думал, что Герда застесняется незнакомых людей, и представлять ее придется мне, но ученица Флорансы довольно бойко назвала себя.

Тора, улыбаясь, наполнила кружки барком и поставила на прилавок блюдо с плюшками.

– Как вас наш старый Ральф, не совсем заболтал? – спросил, отпив барка, Гест Гастис. – Каюсь, в ратушу следовало пойти мне, но или дела торговые, или известия потомкам. Кстати, что нового в славном городе Гехте?

– Расскажи, Ларс, – поддержала торговца Тора. – Я заодно послушаю, что не знаю. Но сначала плюшки и барк!

Когда с угощением было покончено, все выжидающе воззрились на меня. Я призадумался. Недаром Торгрим Тильд говорил, что хрониста часто считают главным сплетником города. Что же рассказать? Про нападение на Герду ни за что не буду. Про то, что Кори ловит пакостника, мусорящего на улице? Кори... Хлына... Я и забыл про нее, а ведь хотел поглядеть в хрониках. Но до хлыны ли, когда на свете есть Герда?

– Ночью до рассвета да и вечером поздно не выходите на улицу. Недавно возле дома метельщика Кори хлына убила женщину.

Гест Гастис и Герда слушали молча, Тора испуганно ахала. Не знаю, насколько мне удалось порадовать слушателей своим рассказом, но призадумались они крепко.

– Хлына, хлына... – проворчал торговец. – Что-то я недавно о ней слышал. А, в Ярме! Они там исхитрились ее выследить и прикончить.

Ну, Ральф, ну болтун старый! Значит, от Форка до Гехта все спокойно было? Так и знал, что дед что-нибудь пропустит.

Ярм – небольшое селение в трех часах пути от Гехта. Люди там живут за счет постоянного двора и торговых складов. Своего хрониста не держат, если случается что-то важное, призывают из Гехта или же передают весть с проезжающими. Торгрим был в Ярме раза три, всякий раз ездил не по делу, а из любопытства. Один раз брал меня с собой. Странно, что в приземистом малолюдном селенье вообще завелась хлына, но жизнь чудовищ странна и людям не понятна.

Надо ехать.

Когда вышли из булочной, Герда шепотом спросила:

– Ларс, вот вы все говорите «хлына». А кто это?

Хельга подтащила кресло-качалку к столу, но поставила его боком. Это не значит, что сестра сейчас не работает. Главному прознатчику Гехта вовсе не обязательно зарываться в бумаги и яростно скрипеть пером, Хельга может хоть головой вниз с потолка свешиваться, но при этом обдумывать что-нибудь крайне важное. И соваться к ней в такие минуты – да защитят нас Драконы.

– Хеск хронист! Где вас опять фунсы носят? Вы хоть знаете, что послезавтра в город прибывает король?

Не работает. И настроение самое подходящее.

– Ну не к нам же в гости он едет.

– Лучше б к нам, суеты бы меньше было. Его Величество прибывает инкогнито, – Хельга слегка оттолкнулась от пола, приводя качалку в движение. – Стражи бегают, как озябшие. Готовятся.

– Обеспечивают порядок на улицах?

– Порядок в караулке! У них там тилл рог сломит.

– А тебя выгнали, чтобы стыдно не было?

– Сама ушла. Очень надо глядеть на их рваные подшлемники.

Хельга снова раскачалась. Старенькое кресло сердито закрипело.

– На, – я положил на стол сверток из булочной. – Съешь и успокойся.

– Плюшечки! – Хельга приподняла уголок салфетки. – От Торы? Ум-м, как пахнут! Как ты умудрился пронести их мимо Гудрун?

– Она тесто месит.

Наша домоправительница прекрасно относится к хессе Хольм, но одного пережить не может: зачем тратить деньги в булочной, если можно прекрасно поесть дома?

– У Гудрун вкусно, и у Торы вкусно, – Хельга отщипнула кусочек плюшки. – Будет у нас вечером праздник живота. Заверни обратно, а то слопаю все, не дожидаясь Оле, и помру от обжорства и угрызений совести.

Завернув плюшки, я уселся на пол рядом с креслом и откинулся на колени Хельги. Рука сестры привычно обняла за плечи. Раньше я часто так сидел, а потом стесняться, что ли, начал.

– Ла-а-арс, отвечай, чего задумал?

– Сестра, благословишь, как старшая из присутствующих родственников? Или в Кьоль-хейм ехать?

Откинув мне челку со лба, Хельга внимательно посмотрела в глаза.

– У-у-у... Ты что же, обольстить кого-то задумал?

– По всем правилам – со стихами, пирожными и кольцами Хустри.

– Надеюсь, ты сейчас не крутишь в кармане все три? Нет? Значит, у меня есть время подумать. Ведь девушка не знатного рода?

– Род ее вовсе неизвестен.

– Тогда как дочь вурда я должна тебя, брат мой, пристукнуть на месте, дабы ты не позорил нашу семью. Но как женщина, чей любимый муж носит фамилию Сван...¹

– Значит, благословляешь?

Хельга слегка придушила меня локтем.

– Вот был маленьким, насколько жизнь проще была! Родителям все равно сам скажешь. Умеешь ведь уже отвечать за свои поступки. И, пожалуйста, дотяните до совершеннолетия хотя бы с серебряным кольцом.

¹ В фамилии вурда обязательно должна присутствовать буква Ъ. Сван- простолюдин.

Заметки на полях

Ночь. Лучшее время. Время охоты. Город затих, людишки попрятались по домам, за крепкими дверьми и думают, что они в безопасности. Пусть.

Кто-то идет. Девчонка. Маленькая, худая. Но такая молоденькая. Сладкое тело.

Остановилась, озирается. Что-то услышала или почуяла? Все равно не уйдет. Пусть только приблизится к дому. Моя. Добыча.

Подходит. Еще немного.

Где?! Где она?! Исчезла!

Яростный голодный рев пронесся по улицам Ратушного квартала. Разбуженные в своих домах люди тревожно прислушивались, кто-то торопился зажечь лампу, выглянуть в окно.

Ничего. Тишина. Ночь. Никого. Только тихо летят крупные хлопья снега.

Глава 5

День выдался для поездки самый что ни на есть подходящий. Солнечный, но достаточно холодный для весны, безветренный. Кхарну легко будет бежать по твердому снегу на тракте. Даже не верится, что через пару недель наступит лето, снег превратится в мокрое месиво, в котором кхарны проваливаются и увязают, и целых четыре месяца будем сидеть мы по городам и замкам, не имея возможности добраться до соседей. Потом будет осень, короткая и хмурая, с первыми крепкими холодами и голым льдом. И снова зима, и открытие трактов. Надо, наверное, и вправду успеть съездить в Кьольхейм, пока дороги хорошие.

В Университете додумались до самоходных саней, на которых можно ездить и летом. Широкие полозья и устройство внутри, сгорая в котором, горючие кристаллы как-то дают саням силу двигаться вперед. Все прошлое лето ученые умники катались на своем творении вокруг города, что-то улучшали и переделывали, а теперь решили торжественно подарить самоходную карету королю. Что ж, может и будет Его Величеству Хрольву Ясному забава в скучные летние месяцы. Простым смертным такие сани не осилить, горючие кристаллы новая придумка жрет как печи городской оранжереи. Да и нет в Белом Поле спутника лучше резвого понятливого кхарна.

Я вытащил из кармана очередной кусок гриба и протянул Скиму. Бык принял подношение, приятно пофыркивая в ладонь. Шерсть у него уже меняется на летнюю, кое-где висит кудлами, и я еле отобрал Скима у Гудрун, стремившуюся во что бы то ни стало счесать с кхарнов лишний клочок. Из-за этого мы порядком подзадержались. Надо бы ехать, день не бесконечен, но я все топчусь возле ратуши, в сотый раз поправляя сбрую Скима и свое снаряжение. И чего ждать, вчера же ведь договорились, что сегодняшней день Герда наконец полностью посвятит своей чудесной персоне...

Все, если не хочу любоваться на звездное небо близ Ярма, надо ехать. Руки на луку седла и холку Скима, ногу в стремя.

– Ларс!

Я чуть не перелетел через кхарна.

Заложив руки за спину, ко мне неспешно приближалась Герда.

– Здравствуй, Ларс.

– Здравствуй, Герда.

Иногда сначала сделаешь, а уж потом подумаешь. Наклонившись с седла, я подхватил девушку и посадил ее перед собой на холку кхарна.

– Поедешь со мной в Ярм?

Ждал чего угодно: возмущения, растопыренных локотков, даже сунутой под нос фиги – бывало и такое, – но Герда только внимательно посмотрела на меня и кивнула.

– Поеду. Только ты не урони меня, держи крепче.

Ским пошел рысью сам, без понукания. Понял, зверюга, что ждать больше не нужно.

Ским бежит легко, резво. Два седока для скакового кхарна не ноша.

Выехать через южные ворота, пересечь вечно спящее в тени города и холмов кладбище, пробраться по узкой дороге между Керной и Разбитым Шлемом и...

Герда восхищенно ахнула.

Оле говорит, что любить Белое Поле все равно, что собственную смерть. Оно как населяющие его метелицы, прекрасные, беловолосые, холодные. Захороводят, заманят, собьют с пути, потом поцелуют, и умрешь – счастливым. Крутит Белое Поле бураны, разевает летом полыньи на стылых озерах, убивает зимними морозами. Крадутся за вздыбившимися снегами хищники, нечисть и злые кочевники. Легко сожрет Белое Поле и одинокого глупого путника, и целый неосторожный караван.

Но бывает и оно добро и благостно, тогда смотри да дышать не забывай. Никогда не увидишь в надежном городе этой бескрайней, во все стороны шири, чистой, всех оттенков белого, где сверкающей, где матовой, не почувешь особого холодного запаха, не ощутишь той свободы, когда между землей и небом нет никаких преград, и сливаются они, а льдинки из-под острых копыт кхарна летят ввысь, чтобы ночью стать звездами.

– Ларс, – замороженно спросила Герда. – А нам долго ехать?

– Часа три.

– Хорошо, что долго.

До Ярма мы добрались спокойно. Местный стражник, с трудом обнаруженный спящим в недрах собственного дома (это днем-то!), долго не мог понять, чего от него хотят.

– Какая хлына, хеск хронист? У нас-то? Драконы милостивы! Где б она тут охотилась? До любой крыши камнем добросить. Так что наврал вам кто-то, хеск хронист.

Обратный путь в Гехт тоже был весьма хорош. Но вот в самом городе... Я хотел отвезти Герду домой, куда она скажет, но засмотрелся на мою радость и напрочь забыл, что если дать кхарну волю, тот быстро свернет к родному стойлу. Вот и въехали мы на нашу Замковую во всей красе. А там...

У дома хессы Кёб творилось Драконы знают что. Мрачный, как тилл, Оле, Хельга, подобная ледяной скульптуре, патруль стражников, взволнованные соседи. Уж не случилось ли со старушкой чего дурного? Но нет, ее резкий голосок развеял все сомнения.

– Я требую, чтобы вы немедленно спасли его!

Кого – его? Во всем мире хесса Кёб не заботится ни о ком, кроме себя. И еще своего кота.

Котище этот известен всей улице. Мощный зверюга, черный, как замыслы висельника, целыми днями восседает он на подоконнике, с бесконечным презрением созерцая улицу. Происходящее за окном, верно, сильно его раздражает, потому как злобности кот необычайной. Ходят слухи, что однажды, когда хессы Кёб не было дома, к ней забрался вор. А через некоторое время соседи услышали крики о помощи. В кровь расцарапанного и покусанного любителя чужой собственности снимали со шкафа, но прежде пришлось дожидаться хозяйку дома, чтобы та утихомирила разъяренного зверя.

Так от кого же или от чего это чудище надо спасать?

– Хесса Кёб! – Оле безукоризненно вежлив внешне, но провалиться мне на месте, если он уже не готов удавить старуху. – Мы спасем вашего... гм... кота, но прежде скажите, где он и что с ним случилось.

– Гельдрик пропал. Полчаса назад я предложила ему сливок, но он не отозвался. А прочее – дело стражи. Найдите его, ведь за что-то вы получаете жалование! И уберите наконец вашу мерзкую собаку!

Вестри, обнюхивающий подвальное окно, оглянулся и неуверенно махнул хвостом.

– Да он в подвале застрял.

Опустившись на колени рядом с Вестри, Герда заглядывала сквозь прутья.

– Черный, да? Там он. Киса-киса! Не бойся, сейчас тебя достанем.

Герда уверенно отодвинула задвижки на решетке и скользнула в узкую щель.

– Кто это?! Как она смеет?! – хесса Кёб задохнулась от возмущения.

– Котик! – доносилось из подвала. – Ну как же ты так? Сейчас... Ой!

Черное взлохмаченное чудище вылетело из окошка и, сшибив одну из украшающих крыльцо ваз, выбило дверь и скрылось в доме. Хесса Кёб, окинув собравшихся гневным взглядом, последовала за любимым котом.

Я помог Герде выбраться из подвала. Не знаю, сколько веков там копилась пыль, но моя радость собрала ее всю.

– Там какие-то короба стоят, – принялась рассказывать кошачья спасительница, энергично отряхиваясь, – он между ними провалился, вылезти не мог. Странно, что не мяукал.

Испугался, наверное. Цапнул меня, – Герда быстро слизнула кровь, выступившую из четырех длинных царапин.

– Куда?! Куда руки грязные в рот тянешь? – уверен, что Гудрун наблюдала трагедию с самого начала, но вмешаться решила только сейчас. – Идем к нам, умоешься, почистишься. Ты чья? Флорансы ученица? Зря ее ведьмой зовут, настоящие ведьмы тут другие.

Когда я некоторое время спустя провожал Герду до угла (дальше она не разрешала), черный котище хессы Кёб снова восседал на подоконнике. Окружающий мир ему по-прежнему сильно не нравился, кот презирал его. Чего орать, если из плена пыльных коробов его достойны освободить разве что Девять Драконов?

Я указал на черного Герде, и моя радость тихо рассмеялась.

Хороший сегодня выдался день.

Заметки на полях

– У нашей милейшей соседки горит свет, – сказала Хельга, наклоняясь с кресла к окну. – Когда я завтра выйду на улицу, хотя бы и на рассвете, она словно случайно окажется на крыльце, и я снова услышу, что распустила прислугу и пса, который несносен и уродлив, что мой брат бездельник, который связался фунс знает с кем, а мы еще и принимаем эту наглуу девку в нашем доме. А если как-то удастся улизнуть, хесса Кёб явится к Гудрун занять соли, потом горючий кристалл, потом еще чего-нибудь.

– И Гудрун ее не прогонит? – удивился Оле. – Давай я встречу старую кислятину. Уж я-то ей ответить не постесняюсь.

– Не стоит. Тогда в следующий раз к списку обвинений прибавится муж-грубиян.

– Как хочешь. Все равно мы все будем жить долго и счастливо.

– И не иначе!

– Кстати, о девчонке. Слишком уж умело влезла эта Герда в чужой подвал, не спросив разрешения. Говоришь, она из приюта? Не самое благостное заведение в Гехте. Кто там заботится о детях и присматривает за ними? И чему учит?

– Капитан, не лезь. Можешь одним словом всю жизнь девочке сломать. Она сейчас как дикий звереныш: хорошо умеет выживать, а жить с людьми – нет. Ни манер, ни понятия об этикете, но она быстро учится и получше нас знает, что хорошо, а что плохо. Славная девочка.

– Точно, Хельга?

– Точно.

– Хочешь взять ее под свое покровительство?

– Уже взяли.

– А Ларсу не рано?

– Если они встретились, то, наверное, нет.

Глава 6

– ...Сто сорок ступеней ведут на вершину башни.

– И там томится в заточении прекрасная заколдованная принцесса?

– Нет, там по своей воле живет слепой Пер. Он разговаривает с горгульями и узнает людей по шагам и дыханию. Вы познакомитесь, он запомнит тебя и уже никогда не ошибется, даже если ты будешь приходить сюда без меня.

– Без тебя не буду.

Что-то странное было в голосе Герды, обычно веселом и чуть насмешливом. Я оглянулся, но ученица Флорансы спокойно и заинтересованно смотрела мимо меня на витки уходящей вверх лестницы.

– А еще Пер звонарь и часовой мастер. Лучший, наверное, во всей земле Фимбульветер.

– А почему он живет в башне, а не в своем доме?

– У меня нет собственного дома.

На галерее, куда выходят двери от мастерской и комнаты Пера, стоял сам старый звонарь.

– Добрые люди из храма Леге вырастили меня и заботятся сейчас, но разве должен человек, способный прокормить себя сам, требовать от других слишком много? И вот теперь старый бездельник Пер день и ночь сидит на башне, отмеряя время и поджидая гостей. Здравствуй, Ларс Кьоль. Здравствуйте, хесса... – Пер с улыбкой протянул руку.

– Герда, – замороженно глядя на старика, ученица Флорансы протиснулась мимо меня и обеими руками сжала ладонь Пера. – Герда из приюта Благого Берне. А вы действительно сирота?

– Да. Я калека, и потому меня оставили на пороге храма милосердного целителя Леге.

«Целительницы», – чуть не поправил я. Иногда вдруг вспоминаю, что Леге, Хустри и Берне – Драконессы.

– И вы сумели стать звонарем?

– Однажды я услышал, как колокол отмечает очередной час. И подумал: если время все равно нельзя увидеть, то почему бы слепому не спознаться с ним поближе?

– А можно... – тихо попросила Герда. – Можно я попробую ударить в колокол?

Пер виновато развел руками.

– Нет. Время еще не пришло. И удар должен получиться сразу. Этому учат очень долго, там, внизу. Как держать веревку, как раскачивать язык колокола. И какой звук когда нужен городу. Это зависит от очень многого. Но если, когда вы будете проходить мимо колокола, вы погладите его, ему будет приятно. И собачкам тоже. Там на смотровой площадке. Не бойтесь, собачки не обидят вас. И приходите чаще.

Пер сделал широкий гостеприимный жест, указывая на узкую лесенку, ведущую к колоколу и выше, на смотровую площадку.

– Собачки? – шепотом спросила Герда. – Он что, на колокольне псарню завел?

– Нет, это Пер горгулий так называет.

Колокол гордо выпячивал гладкий бронзовый бок. Мы с Гердой приложили ладони одновременно. И холодный металл ответил. Наверное, он просто вибрировал от недавнего звона, но казалось, что гладкое бронзовое тело подрагивает от удовольствия, радуется теплу и ласке.

Вверх от колокола ведет узкая лесенка, огороженная только прозрачными перильцами. Впечатление, будто лезешь прямо по небу. Вспомнив, как сам впервые полз по этим жердочкам и как однажды ночью спускался вниз Хельгу (наверх она взлетела, не ощущая ничего, кроме гнева на непутевого брата и тревоги за него же), я примерился помочь Герде, но моя радость уже лихо карабкалась по ступенькам. За перила она хваталась лишь одной рукой, второй как-то умудрялась одновременно придерживать подол юбки и концы наброшенной на плечи шали.

У люка, ведущего на смотровую площадку, я задержался. Раз уж Герде хватило смелости одной забраться по лесенке, то не стоит мешать ей и на самом верху. Пусть все увидит сама. Только услышав восхищенный ах, я выбрался в люк.

Но Герда не смотрела на город. Чуть расставив руки и запрокинув голову, кружилась она по площадке.

– Как тут хорошо! Совсем близко к небу.

Потом мы с разных сторон площадки смотрели на город.

– Ой, вон ратуша! – восхищалась Герда. – Маленькая какая. А вот твой дом. А это оранжерея, да? О, там и вправду прозрачная крыша! Я хочу там побывать, Флоранса говорит, там цветы выращивают.

Только от одного угла башни Герда быстро отвернулась и отошла. Она ничего не сказала, но я понял – с этого места хорошо виден был приют Берне.

Герда хотела непременно посмотреть на морду сидящей на парапете каменной горгульи, но тут я всерьез воспротивился. Моего роста хватало, чтобы перегнуться через ограждение, а маленькая Герда могла только лечь на него животом, оторвав ноги от пола. Что она и предлала нимало не задумавшись. Старый Пер встает на парапете в полный рост, но... Так же без долгих раздумий я сгреб мою радость в охапку и оттащил подальше от опасного места. Получил локтем в грудь, но не отпустил. Поборолись, потом просто попрепирались. Наконец пришли к соглашению: Герда смотрит недолго, высовывается недалеко, я держу ее крепко. Выполнили только третье условие.

Наконец любознательная моя вдоволь налюбовалась на оскаленную морду горгульи, потрогала смертоносные когти. Потянулась было к клыкам, но тут уж я не выдержал и втянул Герду обратно на площадку.

– Все, хватит. Там такой же камень, только до него не дотянутся.

– Я бы достала, – надулась Герда, – только ты помешал. Облапил, как медведь бочку с маслом.

– Боялся, что ты улетишь.

– Я же не птица, не Дракон. И метлы у меня с собой нет.

– А на лбу все равно сажа.

– Ларс!

– Совсем немного. И если б ее не было, я бы подумал, что это не ты.

– Вот выучусь и наколдую, сам каждое утро как из печки вылезать будешь! – Герда, дурачась, показала язык. – А там тоже горгулья? – указала она вниз, на сидящее возле ратуши чудище.

– Да.

– Жаль, что она там, далеко от этой. Им скучно, они хотят друг к другу.

Когда полгода назад старый Пер сказал, что «собачки» летают по ночам, я подумал, что звонарь странно шутит или вспоминает какую-то сказку.

– Они летают, Герда. В ночи, когда нет луны, горгульи летают. Возле башни, над городом, везде. А после рассказывают Драконам о том, что видели. Днем и ночью.

Я давно заметил: чем более серьезным тоном говоришь необычную правду, тем больше шансов, что в нее не поверят, сочтут выдумкой, рассказами для забавы.

Но так или иначе, а Герду услышанное устроило. Согласно кивнув, она облокотилась о парапет. Я пристроился рядом.

Я смотрел на повернутое ко мне в профиль личико Герды, на веселый глазок, зеленый, будто сполох в зимнем небе, задорный носик, на улыбающиеся губы, на выглядывающую из-под темных прядей румяную щечку, и думал о яблоках. Об упоительных душистых яблоках, которые несешь за пазухой из оранжереи домой, и бережно высыпашь на стол, а они катятся по белой скатерти, и вдруг замирают, важные и добродушные, и если прикоснешься к круг-

лomu бочку, вдруг ощутишь, что под холодной упругой кожицей прячется тепло согревавшего яблоки солнца.

– Возможно, после я буду сожалеть об этой слабости, охватившей меня всего лишь на минуты, – церемонно, будто героиня какого-то из любимых ей романов сказала Герда, – но... Но... Ладно, целуй.

Скопление народа возле храма Хандела мы заметили с башни. Не особое то диво, если бы не поблескивали на солнце каски и кирасы выстроившихся рядами стражников. Оцепление.

По мне лучше было бы, чтобы Герда и Вестри остались на башне с Пером, но пес резво сбежал по лестнице впереди нас (наверх эту тяжеленую тушу пришлось нести на руках), а зеленоглазая умница как ухватила меня на смотровой площадке за руку, так и не отпустила.

Храм Хандела действительно был окружен стражниками. Капрал Михель Мерк чуть отступил в сторону, пропуская меня за оцепление. На Герду взглянул с сомнением, но задерживать не стал. Вестри протиснулся следом. Значит, особой опасности нет. Если б в святилище засели подснежники или случилось еще что-нибудь в этом роде, служака не то что девушку и собаку, меня бы близко не подпустил – пиши свою хронику в безопасном отдалении, что не поймешь, сестра и зять после расскажут. Про Лидингов, мирную семью, взятую бандитами в заложники, стражники говорят не часто, но помнят всегда.

Внутри оцепления спокойное движение хорошо налаженного дела. Никто не мечется бестолково, не орет, не мешает другим. Хельга и Оле ведут неспешную беседу с одетыми в желто-белые рясы жрецами храма. Чуть в отдалении переминаются с ноги на ногу несколько кхарнарей с вилами. Эти-то здесь зачем и откуда?

– Так, – поприветствовал нас Оле, – вся семья в сборе. Не хватает только Гудрун и кхарнов.

– Что случилось, капитан?

– Да вот, на крыше один гад сидит. Забрался, а спускаться не хочет.

– А что за гад, чем отличился?

– Кхарню городскую поджечь хотел. Эти добрые люди, – Оле указал на подтянувшихся кхарнарей, – злыдня схватили, а он вырвался и бежать. Сюда загнали. Сейчас снимать будем.

– Вы поставили стрелков на соседние крыши? – испуганно спросила Герда.

– Ну зачем же так хитро? Оружия у него нет, сейчас двое наших поднимутся и возьмут паразита за... За все плохое, что он в жизни сделал. Что, уже пошли? Тогда я ему сейчас, чтоб встречу не успел подготовить...

Оле повернулся лицом к святилищу, подбоченился и заорал:

– Эй ты, чучело! Слезай, а то люди из-за тебя в храм попасть не могут!

С крыши донесся ответный вопль.

– Что говоришь? – Оле сделал вид, будто прислушивается. – Я кто такой? Капитан городской стражи Оле Сван! А рядом стоит сама главный прознатчик Гехта хесса Хельга Кьоль. Что же ты, подлюка, преступление замыслил, а тех, кто в этом городе закон и порядок бережет и представляет, в лицо не знаешь! Хронист, кстати, тоже тут, так что если ты славы восхотел и чтоб в памяти потомков остаться, то пожалуйста. Только разве ж нормальный человек захочет, чтобы потомки его такими словами поминали? Я б и сам тебе сказал, да при женщинах и детях нельзя. А послушайте, хессе, – Оле словно в изумлении обвел взглядом собравшихся, – почему это столько приличных людей должны одного поганца ждать? Поважней дела в городе есть. А этот никуда не денется, крыльев-то нет. Или ты, дурная башка, надеешься, что тебя Хандел оттуда снимет? Если и снимет, так только затем, чтоб приподнять да треснуть! Спустишься, паразит, а уж тебя здесь встретят. Верно, молодцы?

Кхарнари одобрительно загудели, один из них погрозил засевшему на крыше поджигателю кулаком.

– Так что, – завершил свое воззвание Оле, – спускайся-ка лучше сейчас, а мы тебя до ката-лажки проводим. В целостности и сохранности, обещаю.

Злодей, похоже, призадумался. Пойманных на месте преступления кхарнокрадов, а так же тех, кто причинял вред важенкам и детёнышам, били смертным боем. Иногда появившийся вовремя патруль стражи спасал преступникам жизнь.

– Сейчас! – прошептал Оле. – Наши уже на крыше должны быть, сейчас его прихва-тят. Главное, чтоб он фортель никакой напоследок не выкинул, – и Сван снова заорал во всю глотку: – Эй, ты там! Надумал что-нибудь?

– Надумал! На радость Драконам!

Стоящий на краю крыши поджигатель вдруг резко взмахнул рукой, ударил себя в грудь и, согнувшись, шагнул вперед. Рука подбежавшего стражника схватила воздух.

– С крыши он мог и не прыгать, – согревая у лампы замерзшие в леднике руки, сказал доктор Трюг. – Удар ножом и так был смертелен, странно, что хватило сил еще сделать шаг. Видимо, очень хотел умереть. Хельга, я еще нужен вам здесь?

– Нет, Олаф, спасибо.

– Сегодня у меня лекции в Университете. Не хотелось бы их прерывать, но в случае необходимости – к вашим услугам.

Проходя мимо забившейся в угол в обнимку с Вестри Герды, доктор Трюг остановился, порылся в карманах и протянул ученице Флорансы облатку в белой обертке.

– Леденец из сока кошачьей травы. Не бойся, он сладкий. Успокаивает. Да, не все в этом мире нужно видеть юным девам. Всего хорошего, хессе.

Перо скрипит и брызжет чернилами. Старое, надо бы поменять.

«В сорок третий день весны восьмого года правления Хрольва Ясного некий человек пытался поджечь городскую кхарню. Будучи преследуем стражей и горожанами, поднялся на крышу храма Хандела, ударил себя ножом и бросился вниз».

Если служители Палаты Истины узнают имя поджигателя, я, занося эту запись в том хронике, упомяну его. Если нет, он так и останется для потомков «неким человеком». Почему-то решившим погубить важенок и детенышей кхарнов, а потом убившим себя.

– Хельга, что ему грозило?

– Он не успел совершить преступление, так что судили бы только за намерение. В таких случаях обычно наказывают плетью, а потом отправляют в тюрьму. Злодей трудится на благо города, пока не покроет ущерб, который мог причинить. Работа самая грязная и неприятная, но ничего такого, чтобы прыгать с крыши.

Вот так. Поджигатель мог сдать страже и сохранить жизнь и здоровье. Но он предпочел ударить себя ножом и броситься с крыши – для верности. Как сказал доктор Трюг? «Он очень хотел умереть». Умереть так, чтобы люди видели это. Неужели и вправду так мечтал попасть в хронику?

– Не узнал его никто из наших, – сказал, входя, Оле. – Завтра еще ребят спрошу, тех, кто сегодня на службе не был. Может, из горожан кто опознает. Но скорей всего, не было за ним ничего по нашему интересу. Выясним в конце концов, что это какой-нибудь Йок Йоксен, младший писарь при пятом чиновнике шерстяной палаты, в которой и сидел он всю жизнь, пока его кхарн не укусил. Или на ногу ему наступил, не знаю. После чего и полез наш Йок кхарню поджигать. То ли свихнулся, то ли живодер тайный, то ли правда славы любой ценой дураку захотелось. Этим ребятам, которые его загнали, показалось, что очень уж гад старался, чтоб его застучали, но не поймали. Устроил представление! Жрецы сейчас бегают, не знают, что с входом в святилище оскверненным делать: вымыть ступеньки, благовонием окурить, или просто снежком присыпать.

– Может быть, он хотел попросить в храме убежища? – робко пискнула из своего угла Герда.

– Убежища у алтаря просят, а не на крыше.

– Оле, – спросила вдруг сестра, – а ты в храме, например, Троппера, лестницу наверх найдешь?

– Я служителя тамошнего найду. Который через полчаса наконец поймет, что мне надо и проводит. Хельга, они там, у Хандела, сами не знают, где лестница. Наши чего так долго копались: вход искали. Дверь на лестницу чем-то занавешена, только служка-уборщик туда ходит. Пока его нашли... А что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.